

Роман Вершилло

Две реакции на факты Церковной жизни. Драма в трех актах

Аннотация

В современной Церкви нет единомыслия. Подвиг единомыслия состоит в том, чтобы продолжить разумный диалог, начатый не нами, присоединиться к вечному единомыслию, вспомнить о *камнях основания* и, начав с них, вместе с друзьями-современниками пройти от начала до конца путем анализа, понимания, доказательства, убеждения, чтения.

Наши суждения должны быть прямыми и грубыми. Мы должны судить так же, как всегда судили православные христиане.

Ведь и это есть начало критики модернизма в Православной Церкви: антимодернисты не находятся вне Церкви, чтобы её судить со стороны. Мы не раскольники и не независимые ученые, и поэтому задаем вопросы обычные для христиан всех веков.

Антимодернистов отличает только то, что вдобавок к простой и разумной реакции возмущения и удивления мы задаемся некоторыми дополнительными вопросами, тоже не оригинальными.

В этой заметке я бы хотел изобразить рождение антимодернизма как христианской политической философии. Покажем это в трех действиях:

Акт первый – новопришедший в Церковь просто и естественно реагирует на очевидные *факты* Церковной жизни.

Акт второй – на свою первую реакцию христианин получает неудовлетворительные и, прямо скажем, лукавые *ответы*.

В третьем акте ты задумываешься над тем, почему ты получаешь такие *ответы*. Это уже требует теории, вопросов о сущности вещей.

Эпилог – вооруженный умозрением, ты возвращаешься к *фактам* и подвергаешь их более глубокому исследованию, классифицируешь, определяешься с терминологией и т.п. На этой стадии – ты уже готовый антимодернист.

Акт первый

Спустя некоторое время после крещения ты замечаешь, что в Церкви существуют разные мнения.

Ты этого не ожидал.

Еще только рассматривая Церковь издалека, ты думал, что в ней существует полное единомыслие. И, заметим, ты думал совершенно правильно, узнав, что так учит о Церкви безошибочная Библия.

На твои невинные недоумения тебе отвечают, что несогласие в Церкви по вопросам веры и нравственности – это норма. Тебе говорят: «Смотри: вот истинная Церковь, и все-таки в ней существует разногласие по нравственным, догматическим и богослужебным вопросам». Иными словами, тебя уговаривают заключать от сущего к должному: раз это есть, значит так должно быть.

Мы ходим пред Богом, живем в Церкви и, даже если специально не смотрим по сторонам, отмечаем для себя: в этом месте проповедуют, что Бог не всемогущ.[9] Здесь веруют в миф о Христе.[3] А тут упорно пропагандируют Льюиса,[11] и тут уже нет ничего удивительного, потому что он тоже верил не во Христа, а в миф о Христе.

Или ты, по наивности, решил написать о пропаганде безнравственности в Церкви.[2] Тебе хочется кричать, как от боли. От имени пропагандистов безнравственности тебе отвечают: «Кричи, пожалуйста, если хочешь. Все равно тебя никто не услышит». О том, что тебя может услышать Бог, речь не идет.

Так неожиданно для себя ты сталкиваешься в Церкви с ее неверующими членами, с людьми, которые не дотягивают даже до обычной человеческой морали. Удивленный, ты наблюдаешь за тем, как они не испытывают никакого смущения, ни в чем не собираются оправдываться перед тобой, потому что ты никто, и перед Богом, потому что они в Него не веруют.

Или вот еще: размышляя о политике, ты высказываешься в том смысле, что мы не можем быть равнодушны к государственному строю. Мысль, как мы видим, совершенно обыденная. Христианам важно знать, в каком государстве и обществе они живут. Тебе официально отвечают: в Церкви могут быть люди любых политических убеждений, вплоть до украинских нацистов.[4, 8]

И еще одна проблема: несмотря на уговоры, мы не можем смириться с тем, что Церкви смешаны плохие и хорошие. Церковь – это ведь не гражданское общество, чтобы составлять единство из всех, кто под руку подвернулся. Но нет, принципиально утверждается: «Если ты пришел в Церковь искать святых людей, то ты ошибся».[1]

Обратиться к Писанию нет возможности: «Евангелием можно доказать, что угодно» (о. Александр Шмеман).[10, С. 59] Но и из Святых отцов

узнать ничего определенного нельзя. Допустим, ты цитируешь св. Иоанна Златоуста, а тебе возражают: «А другой Святой отец учит по-другому».

Неужели Святые отцы всегда ошибались? – недоумеваешь ты. А ведь так пишет о. Мейендорф в книге, издаваемой по благословению иерархии.

Явную ересь ты называешь ересью. Отвечают: «Это еще надо доказать», подразумевая, что в Церкви доказать ничего невозможно. Или иначе: соглашаются, что софиология – ересь, но за 90 лет ни один софиолог не был отлучен от Церкви. Значит, так и надо. А уния с монофизитами? И она тоже допустима, так как никакого монофизитства нет?[5]

Есть канон, запрещающий соблазнительные изображения. Православные христиане, замеченные в этом преступлении, должны быть отлучены от Церкви. «А нас батюшка благословил», и поэтому канон не действует.

Допустима ли в Церкви игра, развлечение, несерьезность? Неужели не стыдно престарелому протоиерею толковать человеческие отношения (кого волнуют эти отношения – тоже вопрос) на примере Смешариков?[7] Ответ очевиден, но только тебе самому. Он не транслируется вовне. Эха нет.

И уж самое вопиющее: допустимо ли кощунство в Церкви? «А это не кощунство. Вам показалось», – уверяют тебя со всех сторон. А подумав, добавляют: «Это ирония, метаирония». Не нравится такой ответ? Есть и еще: «Детишки балуются. Они вырастут, и станут серьезнее, благочестивее».

А новый катехизис, и даже множество новых катехизисов, которые сочиняют все кому не лень? Позволено ли составлять новые исповедания веры? Не позволено. Почему же происходит то, что не позволено?

Или появляется революционный молитвослов. Позвоительно ли человеку сочинять свой молитвослов? Кто смел, тот и съел. Человеческое самочиние занимает место Божественного: «Да будет!» (Быт. 1:3).

Что же происходит в первом акте нашей небольшой пьесы?

Мы имеем дело с простой реакцией («Какой ужас!») на следующие факты: в Церкви нет единомыслия, в ней проповедуют безнравственность, в Церкви есть неверующие, в Церкви не наказываются ересь и безнравственность.

Нимало не враждебно, но просто и прямо взирая на вещи, христианин не может не видеть модернизма в Православной Церкви. И не сегодня только, а уже в советские годы не мог не видеть. А если видит, то и самый простой человек начинает задавать вопросы о добре и зле, пусть только в своей душе.

На очевидные факты мы реагируем как обычные люди, как сродно христианам. И эти обычные реакции отторжения, ненависти, презрения являются фундаментальными. Они более общие и естественные, чем богословские или церковные канонические вопросы. Все описанные проблемы до

богословия и канонического права далеко не дотягивают. Они гораздо проще и грубее.

Второй акт. Реакция на наши вопросы

Второй этап начинается тогда, когда на свои элементарные реакции ты получаешь неудовлетворительные, странные, одурманивающие ответы.

Вдоволь наслушавшись объяснений, ты переходишь к обобщениям. Факты были ужасны сами по себе, но, оказывается, есть также и некоторая дурная теория, их оправдывающая.

На факты мы реагировали естественно («наивно»), как обычно христианам. Теперь столь же естественно мы реагируем и на само кощунство, и на то, что члены Церкви оправдывают совершивших кощунство. В этот момент происходит еще кое-что непонятное, и поэтому требующее объяснения:

1. Кошунники не отлучены от Церкви.
2. Их защитники не наказаны.

Вот тут уже и нам нужна своя теория, объясняющая не сам *факт* кощунства (с ним все и так понятно), а то, почему на кощунство *реагируют* тупо и безвластно.

Ты возмущаешься тем или иным безобразием, и ты знаешь, что твоя реакция является фундаментальной. Ты реагируешь самым обычным образом, даже не особенно резко. Никакой другой реакции не может быть, и никогда не могло быть, скажем, со стороны Апостола Павла или св. Иоанна Кронштадтского.

На вопросы о ереси, пошлости, беспринципности, аполитичности и, наоборот, об идеологической политике, ты получаешь успокаивающие ответы, которые не успокаивают. Тут ты начинаешь понимать: что-то здесь не так. И когда ты вдумываешься в успокаивающие слова, то анализируешь уже не сами ужасающие факты, а то, что на происходящее адекватной реакции нет, а есть реакция патологическая и в то же время исторически обусловленная. Ведь тебе дают стереотипные ответы, подготовленные заранее, еще до твоего прихода в Церковь.

Тут ты начинаешь различать канву событий: в некоторый момент в прошлом в Церкви что-то произошло. Что именно и когда? Кто произвел эту перемену в Церкви? Каковы действующие лица этой исторической драмы, и какие из них главные, а какие второстепенные?

Оправдания не делают мир понятным

Что именно тебе непонятно и настоятельно требует объяснения? То, что оправдания кощунства, ереси и безнравственности не делают мир по-

нятным. Напротив, мир и жизнь, в том числе в Церкви, становятся непонятными. Кто-то – совершенно определенные лица, имеющие фамилии и имена – готовы смириться с тем, что мир и жизнь абсурдны. Но христианин не может с этим смириться.

Всем ходом разумной жизни христианин понуждается к тому, чтобы увидеть центральный факт. Относительно недавно государство и Церковь делали мир понятным. И это продолжалось до 1917 года, а в Церкви – продоллось еще на несколько десятилетий. После этого к власти в обществе и в Церкви пришли иррационалисты, которые ненавидят все понятное и все, что делает мир понятным. В обществе это были большевики, а в Церкви – модернисты.

Заметьте важную вещь: мы недалеко ушли от наших естественных реакций: «Как же так?», «Не может быть!», но этой точке наше рассуждение перестает быть обыденным, а становится началом некоторой науки.

Кратко подведем итоги.

Нас понуждают к научному исследованию не сами факты кощунства, неверия, ереси, безнравственности. Они случались во все века и не образуют из себя систему. Нас подталкивает к научному исследованию патологическая реакция на эти факты. Эта реакция, как мы выяснили, нормализует грех, делает его нормой. А это уже есть нечто новое, неожиданное, прежде не встречавшееся в истории.

Снова и снова повторю: обобщения потребовали *ответы, а не вопросы, и оправдания, а не факты*. Теперь у нас остается единственный путь: обобщить патологические ответы, и только после этого вернуться к собиранию, анализу и обобщению первоначальных данных.

Следуя этому порядку: от фактов переходя к теории и от теории к фактам, – мы проводим наши исследования на сайтах «Антимодернизм» и «Два града».

Третий акт

Пока мы только замечали факты и естественным образом реагировали на них (см. **первый акт**), тут еще никакой науки не возникало. К началу знания мы приходим только во **втором акте**, когда, выслушав объяснения беспокоящих нас фактов, мы обнаруживаем в этих объяснениях своего рода теорию.

На уровне отдельного факта ошибка возможна. На уровне оправдания – нет, потому что за оправданием всегда стоят некоторые основания. Если у греха появилось объяснение, значит бред Достоевского, В. Соловьева, о. Флоренского, о. Шмемана и им подобных усвоен, переработан, приспособлен к действительности и стал господствующим общественным мнением.

Яд был впрыснут, потом он подействовал и, наконец, его сочли лекарством.

Значит и нам пристало задавать уже не только частные вопросы: «Кто, когда и почему?». Обобщения, сделанные не нами, а нашими собеседниками, заставляют спрашивать о сущности вещей: «Что это такое по своему существу?». Соответственно вопросам и ответы тоже будут другие: не «Я возмущен, против и не согласен», а общие для всех, доказательные, служащие убеждению и, через убеждение, единомыслию.

Таким сложным и как бы обходным путем, мы возвращаемся к теме единомыслия. Теперь нам предстоит выяснить, чем единомыслие заменили и можно ли что-нибудь с этим сделать.

Какие ответы мы ищем и какие находим

Уже в **первом акте** мы увидели множество церковных фактов: тут и ересь, и экumenизм, и аморализм.

Ужасные факты следует называть их истинными именами, не искажающими истинное положение вещей. Объяснения фактов должны быть простые и простые.

Несогласие становится явным, а неясное и абсурдное становится понятным для всех, когда грех называют «грехом», преступление – «преступлением», неясное – «неясным» и при этом точно знают, что такое грех, что такое преступление, что ясно, а что нет. Так и модернизм нужно назвать «модернизмом» и попытаться понять, что этот термин значит.

Если бы все так и было, то не потребовалось бы никакого антимодернизма. Не нужно было бы исследовать духовные болезни нашего времени. Но так как ничего похожего нет, то мы начинаем наше исследование с этой точки.

Началом науки становится не сам факт кощунства, неверия или маловерия, а его сложное, обдуманное, исторически обусловленное и риторически оформленное оправдание. Систематическое оправдание модернизма согласно устоявшимся мысленным и речевым штампам заставляет нас обратить внимание на то, каким именно образом модернизм существует в Церкви, какую роль в экономике модернизма играют модернисты и их оправдатели.

Мы уже не собираем разрозненные факты того, насколько разными бывают люди. Нас интересует не то, что некоторые люди по временам случайно отклоняются от образца. Теперь мы изучаем: не разрушен ли сам образец¹ и что происходит, когда утрачен духовный порядок в обществе и душе.

---

¹ «Те, кто любят Церковь, сокрушаются, что портятся нравы, но по крайней мере законы остаются неприкосновенны. Но иезуиты посягают на законы. Сам образец испорчен».[6, С. 267]

Когда есть систематическое оправдание зла, нормы больше нет. Вот это нарушение порядка, разрушение образца веры и нравственности в Церкви мы называем модернизмом и подвергаем научному исследованию, потому что такое разрушение образца есть сложное, глубокое и по-своему таинственное явление.

Просто или сложно?

Кажется, мы совершаем нечто странное, когда протяженно и сложно – философски и политически – говорим о простых фактах ереси, кощунства и т.п. Но так ли это необычно? Разве не тем же путем совершается любое рассуждение?

Правильными шагами, используя законы мысли, приемы диалектики и риторики, мы восходим к истинным общим понятиям. Сложно ли это? Разве только для тех, кто органически не выносит абстракции, прилепился к ужасной жизни.

Для кого это просто? Для того, кто понимает, что истинные понятия о вещах стоят прежде всех фактов, как простые и первые. Остается лишь правильно выяснить, какие понятия являются первыми в нашей науке. Вот они: душа, порядок, беспорядок, эпоха Отступления, государство и т.д. Понятия, как видите, не новые, не нами синтезированные. Мы возвращаемся к ним, забытым по чьему-то (то есть нашему) неразумию и несерьезности. Понятия эти всем полезны и имеют общеобязательный смысл. Вместе с ними и наша наука – антимодернизм, политическая философия, пневмопатология, назовите как хотите – оказывается проще любых фактов и любых оправданий ереси и нечестия.

Итак, нет никакого противоречия в том, что к простоте и единомыслию приходят сложным путем абстракции и деления на истину и ложь. Все затруднения на этом пути происходят от твоих пороков, а добродетели делают его прямым и простым.

Да, проста добродетель, а порок сложен. Плоды добродетели знания – богатые и многообразные, а пути праведного – прямые. Из простого семени вырастает огромное дерево знания и понимания (Пс. 1:3). Все вопросы решены. Осталось только услышать ответы.

Эпилог. Подвиг единомыслия

Где путь прост и прям, там живет единомыслие. Разномыслие же, напротив, рождается из интеллектуальной нечестности, лукавой неточности выражений.

В обществе и в Церкви одни люди единомысленны в одних и тех же общих мыслях, а другие не единомысленны ни в каких мыслях, потому что их

собственные «мысли» особого рода: маленькие, случайные и испуганные мыслишки о неизменной Истине.

Одни приходят к единомыслию, используя разумную речь. Другие, беседуя на патологическом языке, из корысти соглашаются враждовать против разума и истины.

Подвиг единомыслия состоит в том, чтобы продолжить разумный диалог, присоединиться к вечному единомыслию, вспомнить о *камнях основания* и, начав с них, пройти от начала до конца путем анализа, понимания, доказательства, убеждения, чтения.

Тогда ни один православный не будет отлучен от единомыслия, как бы одинок он ни был в современном обществе и в Церкви.

Список литературы

- [1] *Ахалашвили, Дионисий о.* «Он сейчас оказался в инвалидном кресле, никому не нужный. Кто о нем позаботится?» История об удивительном [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/on-sejchas-okazalsya-v-invalidnom-kresle> (дата обращения: 08.04.2026.279Z).
- [2] *Вершилло Р. А.* Нравственному учению Церкви нанесен жесточайший удар [Электронный ресурс]. URL: <https://vershilllo.wordpress.com/2008/01/19/01-12/> (дата обращения: 17.07.2017).
- [3] *Гусейнов Г. Ч., Великанов П. о., Юдин А., Данилова А.* Миф после мифа: честно о главном [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/chestno-o-mifah-otkrovennaya-diskussiya-video-i-audio12/> (дата обращения: 01.07.2023).
- [4] *Легойда В.* Политика и спасение души [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/politika-i-spasenie-dushi/> (дата обращения: 02.04.2026).
- [5] *Мейендорф, Иоанн о.* Халкидониты и не-халкидониты: шаги к единству // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 7. С. 44-47.
- [6] *Паскаль Б.* Мысли. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
- [7] *Первозванский, Максим о.* «Любовь, семья, Смешарики и тараканы» [Электронный ресурс]. URL: <https://favorplace.ru/smeshariki> (дата обращения: 15.01.2026).
- [8] *Чаплин, Всеволод о.* Люди, находящиеся по разные стороны баррикад, способны примириться на основе общих ценностей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/protoierey-vsevolod-chaplin-lyudi-nahodyashiesya-po-raznyie-storonyi-barrikad/> (дата обращения: 02.04.2026).
- [9] *Шалларь В. С.* Слабый Бог, жуткий мир, вечный мятеж: Политическое и религиозное мышление Честертона [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.predanie.ru/article/slabyj-bog-zhutkij-mir> (дата обращения: 15.01.2026).
- [10] *Шмеман, Александр о.* О Церкви // Православие в жизни. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. С. 57–83.

- [11] *Эппле Н. В., Михайлова В.* Клайв Стейплз Льюис. Настигнутый радостью [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/klajv-stejplz-lyuis-nastignutyij-radostyu.html> (дата обращения: 15.01.2026).